

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОВОКАЦИОННОГО ИНТЕРВЬЮ

Жанр интервью претерпевает в современном коммуникативном пространстве заметные изменения, которые не случайно интерпретируются не столько как его модификация, сколько как трансформация, т. е. радикальное преобразование целого ряда его существенных характеристик. Такие преобразования затрагивают и структуру интервью, и состав участников (ср. практику интервьюирования собеседника двумя журналистами/ведущими), и принципы выбора интервьюируемых и др., но, пожалуй, в первую очередь, связаны с изменением норм речевого поведения его участников.

Первые признаки «размывания» коммуникативно-поведенческих норм в русскоязычном интервью появились уже в журналистике 90-х гг. XX в., когда общие социокультурные изменения «спровоцировали нарушение этических и профессиональных норм, когда интервью зачастую превращалось в резкий, на грани фола, разговор, насыщенный взаимными колкостями, упреками и прямыми оскорблениями» [1, с. 21], что обусловило трактовку речевого поведения участников интервью как «деградацию качества общения» [Там же]. Впрочем, возможны и иные трактовки данной тенденции: изменения в речевом поведении можно интерпретировать не как деградацию, а как демократизацию стиля общения, приведшую к смене образа интервьюера (с уважительно-корректного и сдержанно-вежливого журналиста «в галстук» на раскрепощенно-фамильярного автора-ведущего «в джинсах и футболке»), к изменению тональности общения (от корректно-сдержанной к разговорно-фамильярной) и т.д.

Одним из следствий таких перемен стало расширение круга обсуждаемых в ходе интервью тем, причем это расширение связано с вовлечением в тематику интервью тех сторон жизни интервьюируемого, которые в недавнем прошлом, по сути, существовали в статусе табуированных. Представители традиционной журналистики, готовя молодых журналистов к проведению классического интервью, объясняли: «Не забывайте: ваш респондент, как правило, не в первый раз общается с представителями прессы и примерно ориентируется в том круге вопросов, которые могут прозвучать из уст корреспондента. Против вопросов, носящих провокационный или обидный для него характер, он может выстроить целую систему защиты. А в ряде случаев просто-напросто отказаться отвечать на них» [1, с. 47], — и напоминали случай, «когда Майя Плисецкая во время записи отказалась продолжать беседу ввиду неподготовленности и некорректности вопросов, касающихся ее личной и семейной жизни» [Там же].

В современных же массмедиа, в первую очередь электронных, ситуация изменилась кардинальным образом. В ряде электронных СМИ (в частности, YouTube) широкое распространение получил жанр провокационного интер-

вью. Ранее под провокационным интервью понималось в первую очередь так называемое «стресс-интервью», проводимое некоторыми компаниями при приеме на работу новых сотрудников, когда «специально создается нервная, напряженная для кандидата обстановка, чтобы вывести его из равновесия» [2]. Сейчас это понятие используется и по отношению к журналистике, где широко под провокационным понимается медийное интервью, в котором журналист не только не старается обойти неприятные / некорректные / неуместные темы, а, напротив, может выстроить на их обсуждении практически весь диалог с собеседником.

В связи с этим возникает вопрос о том, какие стратегии речевого поведения выбирает интервьюируемый, который оказывается жертвой подобного – зачастую экстремального – речевого поведения интервьюера, и какие факторы способны влиять на этот выбор.

Проанализировав 20 интервью, в которых в роли интервьюера выступают Ю. Дудь, И. Шихман, К. Собчак, В. Познер, а в роли интервьюируемых – популярные актеры, режиссеры, журналисты и т. д., мы выявили, что интервьюируемые нередко (примерно в трети случаев) выбирают стратегию защиты своего личного пространства.

Эта защита может осуществляться как в относительно мягких формах, например, при помощи тактики шутки:

- *Когда ты последний раз смотрел порнуху?*
- *Сложно сказать. А, «Викинг», буквально недавно, там же оголенка по полной* (Ю. Дудь – Е. Баженов);
- *Деньги или совесть?*
- *Чтобы не расстраивать тех двух поклонников, которые у меня остались, я скажу совесть* (Ю. Дудь – Д. Нагиев);

или неопределенного / неполного ответа:

- *Когда Вам в последний раз было стыдно?*
- *Я был несправедлив к своей дочери.*
- *Какой из?*
- *Одной из.*
- *Давно?*
- *Недавно* (Ю. Дудь – Н. Михалков), – и в достаточно жестких вариантах, в частности, при помощи эксплицитного отказа отвечать, указания на неуместность вопроса, на некорректное или непрофессиональное поведение интервьюера, использования встречной вербальной агрессии и т. д., ср.:

- *Сколько у Вас детей?*
- *Идите в ж..., Юрий Александрович* (Ю. Дудь – Д. Нагиев);
- *Какого размера Ваша пенсия?*
- *Вот смотрите, Вы можете сейчас спустить штаны и показать свой маленький член?*
- *Не вижу повода сейчас это делать.*

- Вот видите, у Вас есть какие-то ограничения. Моя мама меня учила, что говорить о деньгах не совсем прилично (Ю. Дудь – В. Киселев);

- Речь идет о Марио Джабраиллове?

- Слушай, я считаю не очень правильным обсуждать мою личную жизнь (Ю. Дудь – К. Собчак);

- Чем Вы зарабатываете кроме программы?

- А Вам какое дело? (Ю. Дудь – В. Познер);

- Говорят, было оказано давление на главного редактора, весь тираж был выкуплен, после чего она была уволена. Зачем Вы так сделали?

- Юрий, до сих пор я считал, что Вы готовитесь к интервью. На самом деле Вы сейчас выглядите абсолютно неподготовленным, потому что эта история уже была описана (Ю. Дудь – Д. Киселев).

Выбор конкретного варианта защитной реакции, на наш взгляд, обусловлен рядом факторов, наиболее существенными из которых являются следующие.

1. Индивидуально-психологические особенности интервьюируемого и специфика его имиджа.

Понятно, что индивидуальные представления о границах личного пространства, нарушение которых переживается как нежелательные/недопустимые, варьируется в очень широких пределах. Общеизвестно, что в круге медийных личностей есть те, кто тщательно скрывает детали личной жизни, и те, кто охотно и часто их обсуждает. Разумеется, применительно к медийным персонам выбор одной из этих линий поведения может быть обусловлен не только индивидуальными предпочтениями, но и стратегиями имиджестроения (а имидж, как известно, далеко не всегда «конгруэнтен» реальной структуре личности). В любом случае (независимо от того, лежат ли в основе этого выбора причины глубинно-психологического или имиджевого характера – а возможно, и то и другое в комплексе), среди медийных персон есть те, кто охотно отвечает на вопросы о зарплате и интимной жизни, и те, кто реагирует на них акцентированным и эмоционально окрашенным отторжением.

2. Степень настоятельности интервьюера.

Шансы на использование отвечающим жестких тактик с элементами встречной вербальной агрессии существенно возрастают, если вопрос задается неоднократно. Иначе говоря, оказавшись перед необходимостью отвечать на неудобный, неприятный вопрос, интервьюируемый, как правило, сначала использует относительно кооперативные реактивные варианты (неполный или неопределенный ответ, шутку, мягкий отказ от ответа), но если интервьюер проявляет настойчивость, упорно добиваясь ответа и преодолевая сопротивление собеседника, то отвечающий, как правило, прибегает к «игре на повышение», ср. характерный фрагмент, в котором достаточно жесткая реакция (*Что ты лезешь ко мне?*) обусловлена многократной актуализацией темы уплаты налогов:

- То есть ты не платишь налоги?
- Почему я не плачу налоги?
- По ИП у тебя только семь контрактов, по официальным документам.
- Что касается концертов, ну, во-первых, я не обязана перед тобой отчитываться...
- Но перед налоговой обязана.
- Но ты же не налоговая. Семь то не концертов, то контрактов.
- То есть остальное в черную?
- Это не в черную Меня только вчера убеждали знакомые, чтобы я через фонд работала. Я специально того не делаю.
- У всех благотворительных фондов есть традиция публиковать отчетность. Через что идут твои деньги?
- Мои деньги идут через меня. Что ты лезешь ко мне? В мою постель, в мой кошелек (К. Собчак – А. Волочкова).

3. Взаимоотношения между участниками диалога и общая тональность беседы.

В нашем материале представлены случаи, когда беседа ведется а) в дружеской (или дружески-шутливой) тональности, б) в нейтральном, ровном тоне и в) в откровенно некооперативной манере. При этом собеседники могут быть как коллегами, так и представителями разных творческих «цехов» (Ю. Дудь – В. Познер, Ю. Дудь – Т. Бекмамбетов), относиться к одному или разным поколениям (Ю. Дудь – К. Собчак, Ю. Дудь – Н. Михалков), к одному или разным гендерам (И. Шихман – Е. Варнава, И. Шихман – А. Васильев); наконец, они могут находиться в дружеских отношениях (К. Собчак – А. Малахов) или испытывать по отношению друг к другу очевидную и нескрываемую антипатию (Ю. Дудь и Д. Киселев). Поэтому достаточно деликатная тема беременности обсуждается в диалоге К. Собчак и Валерии Гай Германики открыто и непринужденно, а вопросы о финансах в общении Ю. Дудя и Д. Киселева провоцируют крайне негативные реакции отвечающего (для сравнения: та же тема финансов в беседе К. Собчак и А. Малахова обсуждается совершенно спокойно).

Таким образом, выбор той или иной реакции на некорректный, неприятный, неуместный, провокационный вопрос в интервью обусловлен сложным комплексом коммуникативно-прагматических факторов, определяющим высокую вариативность данного типа речевых действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильченко, С. Н. Интервью в журналистике: как это делается : учеб. пособие / С. Н. Ильченко. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. — 236 с.
2. Стресс-интервью [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/stress.shtml. — Дата доступа: 01.05.2020.